

Уильям Шекспир

Уильям Шекспир

СОНЕТЫ
В разных переводах

Уильям Шекспир

Сонеты

Серия «Библиотека классики (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74075242

Сонеты: [перевод с английского] / Уильям Шекспир: Москва; Москва;

2026

ISBN 978-5-17-182961-2

Аннотация

Уильям Шекспир вошел в историю как один из величайших драматургов всех времен и народов, однако его творческое наследие не ограничивается блестящими комедиями и трагедиями, важное место в нем занимают сонеты. Впервые опубликованные без ведома автора и долгие годы не переиздаваемые, они постепенно завоевали признание публики, а поэт Уильям Вордсворт (1770–1850) и вовсе назвал сонеты «ключом к пониманию сердца Шекспира». В этих стихах, расшифровке которых посвящены целые научные исследования, переплетаются самые разные проявления любви, философские размышления и безжалостный самоанализ, яркие образы и меткие метафоры, изумительные рифмы и чарующие сравнения.

В данном издании сонеты Шекспира приводятся сразу в четырех вариантах – в оригинале, а также в переводах Анатолия Либермана, Модеста Чайковского и целого сонма переводчиков,

среди которых знаменитые поэты Валерий Брюсов и Николай Гумилев. Некоторые сонеты сопровождаются информативными комментариями А. Либермана.

Содержание

Сонет I	6
Сонет II	9
Сонет III	12
Сонет IV	15
Сонет V	18
Сонет VI	21
Сонет VII	24
Сонет VIII	27
Сонет IX	30
Сонет X	33
Сонет XI	36
Сонет XII	39
Сонет XIII	42
Сонет XIV	45
Сонет XV	48
Сонет XVI	51
Сонет XVII	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Уильям Шекспир

Сонеты

© Перевод. А. Либерман, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

*TO THE ONLIE BEGETTER
OF THESE INSUING SONNETS
Mr. W. H. ALL HAPPINESSE
AND THAT ETERNITIE
PROMISED BY OUR EVER-LIVING POET
WISHETH THE WELL-WISHING
ADVENTURER IN SETTING FORTH
T. T.*

СОНЕТ I

From fairest creatures we desire increase,
That thereby beauty's rose might never die,
But as the riper should by time decease,
His tender heir might bear his memory:
But thou, contracted to thine own bright eyes,
Feed'st thy light's flame with self-substantial fuel,
Making a famine where abundance lies,
Thyself thy foe, to thy sweet self too cruel.
Thou that art now the world's fresh ornament
And only herald to the gaudy spring,
Within thine own bud buriest thy content
And, tender churl, mak'st waste in niggarding.
Pity the world, or else this glutton be,
To eat the world's due, by the grave and thee.

От красоты расцвета люди ждут:
У розы все должно быть впереди.
Но годы зрелость к старости ведут —
Лишь от наследника спасенья жди.
Ты дивной красоты своей жених.
Свеча горит, но тает воск в бессилье.

Лучистые глаза – что проку в них?
Запомни: голод сменит изобилье.
Всем прелестям земли ты задал тон,
Весны роскошый вестник и гонец,
Но семя ты свое зарыл в бутон —
О, как ты расточителен, скупец!
Со смертью вместе, свой цветок пожав,
Ты мир лишишь его законных прав.

Перевод А. С. Либермана

От избранных существ потомства мы желаем,
Чтоб роза красоты цвела из рода в род,
Чтоб старому, когда к земле он пригнетаем,
На смену возникал такой же юный всход.
А ты, в себя лишь взор блестящий устремляя,
Его огонь живишь из недр своих же благ,
И, где обилие, там голод порождая,
Нещаден к прелести своей, как лютый враг.
Ты, мира лучший цвет и вестник несравненный
Ликующей весны, – хоронишь от людей
В сомкнутой завязи свой жребий драгоценный
И разоряешься от скупости своей.
Не объедай же мир чрез меру и чрез силу,
Чтоб все его добро не унести в могилу.

Перевод В. С. Лихачева

Мы красоте желаем размноженья,
Нам хочется, чтоб цвет ее не вял, —
Чтоб зрелый плод, – как все, добыча тленья —
Нам нежного наследника давал.
А ты, плененный сам собой, питаю
Твой юный пыл своим топливом, сам
Творя бесплодь вместо урожая,
Сам враг себе, жесток к своим дарам.
Ты ныне миру вешних дней отрада,
Один глашатай прелестей весны,
В зачатке губишь цвет твоей улады,
Скупец и мот небесной красоты.
Так пожалей же мир, иначе плод
Твоей красы с тобою гроб пожрет.

Перевод М. И. Чайковского

Сонет II

When forty winters shall besiege thy brow
And dig deep trenches in thy beauty's field,
Thy youth's proud livery, so gaz'd on now,
Will be a tatter'd weed, of small worth held:
Then being ask'd where all thy beauty lies,
Where all the treasure of thy lusty days,
To say, within thine own deep-sunken eyes,
Were an all-eating shame and thriftless praise.
How much more praise deserv'd thy beauty's use,
If thou couldst answer 'This fair child of mine
Shall sum my count, and make my old excuse,'
Proving his beauty by succession thine!
This were to be new made when thou art old,
And see thy blood warm when thou feel'st it cold.

За сорок лет твой лоб затопчут годы;
Поникнув, сдастся красота твоя,
И яркий плащ, законодатель моды,
Окончит век среди старого тряпья.
И если скажешь: «Прежний блеск вельможный
И страсти клад, дарованный судьбой,

В потухшем взоре я храню надежно», —
То это будет жалкой похвальбой.
Поверь, ты б клад бесценный преумножил
И счеты свел с природою честней,
Сказав: «Вот сын мой. В нем я снова ожил,
В нем продолженье юности моей», —
И видел бы, как расцветает в сыне
Все то, что так в самом прекрасно ныне.

Перевод А. С. Либермана

Когда глубокие следы сорокалетия
Цветущий дол твоей красы избороздят
И нищенский покров из жалкого веретья
Заменил юности блистательный наряд,
Тогда-то на вопрос: что сделал ты с красою?
Где все сокровища беспечно-добрых дней? —
Постыдной было бы, нелепой похвальбою
Ответить: все они во впадинах очей.
Не большею ли ты себя покрыл бы славой,
Когда б ответить мог: «Прекрасное дитя,
Мой долг вам уплатив, мне даст на старость право», —
Кто возразил бы, вновь твой образ обрета?
Вот от чего твое воспрянуло бы тело;
Вот что остывшую бы кровь твою согрело.

Перевод В. С. Лихачева

Когда твой лик осадят сорок зим,
Изрыв красу твоей роскошной нивы,
То блеск его, теперь неотразим,
Представится тогда мрачней крапивы.
И на вопрос, где красота былая,
Сокровище твоих весенних дней,
Не прозвучит ли как насмешка злая
Ответ: «В глуби ввалившихся очей»?
Насколько ж будет лучше примененье
Твоих даров, когда ответишь: «Вот
Мой сын, в нем старости моей прощенье...»
И снова лик твой миру зацветет.
Так, стариком, ты станешь юным вновь,
Когда в другом твоя зардеет кровь.

Перевод М. И. Чайковского

Сонет III

Look in thy glass, and tell the face thou viewest
Now is the time that face should form another;
Whose fresh repair if now thou not renewest,
Thou dost beguile the world, unbless some mother.
For where is she so fair whose unear'd womb
Disdains the tillage of thy husbandry?
Or who is he so fond will be the tomb
Of his self-love, to stop posterity?
Thou art thy mother's glass, and she in thee
Calls back the lovely April of her prime:
So thou through windows of thine age shalt see,
Despite of wrinkles this thy golden time.
But if thou live, remember'd not to be,
Die single, and thine image dies with thee.

Вот зеркало. Ты видишь отраженье?
Пока одно, а быть должно вас двое.
Создай в расцветших красках повторенье,
Чтоб жили мы и женщины в покое.
Где та, которой не вспахал ты клин,
Не пожелавшая такого плуга?

Где тот, кто прожил, как глупец, один,
Влюблен в себя и не нашедший друга?
Ты отраженье матери своей,
В твоём лице её апреля нега;
Так ты в окне грядущих зимних дней
Весну увидишь, а не гору снега.
Но если сам ты сгинешь без следа,
То образ тот исчезнет навсегда.

Перевод А. С. Либермана

Ты видишь в зеркале свое изображение?
Скажи ему: пора подобное создать;
Иначе у земли ты совершишь хищенье,
У юной матери отнимешь благодать.
Где та красавица, чья девственная нива
Такого пахаря отвергла бы, как ты?
Найдется ли глупец, чтоб скрыть себялюбиво
Во мраке гробовом наследье красоты?
Для матери твоей ты зеркало такое ж,
Она в тебе апрель свой дивный узнает:
Сквозь стекла старости в родных чертах откроешь
Ты также золотой звезды своей восход.
Но, если хочешь ты посмертного забвенья,
То умирай тогда один – без отраженья.

Перевод В. С. Лихачева

Вот зеркало. Взгляни и отраженью
Скажи: пора преемника создать,
Иначе ты лишишь благословенья
Мир светлый и неведомую мать.
Где та, чья непорочная утроба
Отвергнет радость понести твой плод?
Где тот, кто хочет быть подобьем гроба
В самолюбви, чтоб прекратить свой род?
Ты отблеск матери, верни ж и ты ей
Апрель ее красы. И пусть твой сын
Тебе вернет назад дни золотые
Твоей весны в дни грустные морщин!
Но коль не хочешь памяти людей,
Умри один с наружностью своей!

Перевод М. И. Чайковского

СОНЕТ IV

Unthrifty loveliness, why dost thou spend
Upon thyself thy beauty's legacy?
Nature's bequest gives nothing, but doth lend,
And being frank she lends to those are free.
Then, beauteous niggard, why dost thou abuse
The bounteous largess given thee to give?
Profitless usurer, why dost thou use
So great a sum of sums, yet canst not live?
For having traffic with thyself alone,
Thou of thyself thy sweet self dost deceive.
Then how, when nature calls thee to be gone,
What acceptable audit canst thou leave?
Thy unused beauty must be tomb'd with thee,
Which, used, lives th' executor to be.

Красавец, не прижимист ты, но в толк
Я не возьму: где ж красоты наследство?
Свои дары дает природа в долг,
Вручая щедрым для отдачи средства.
Скупец прелестнейший! Вопрос мой прост:
Ты расточаешь на себя щедроты?

Какой ты ростовщик! Не виден рост;
Ответь: богатства тратишь на кого ты?
Любить себя – самообман, игра;
Ты вдохновенно лишь себя лелеешь.
Что скажешь ты, когда придет пора,
Какой отчет природе дать сумеешь?
Прекрасное, не пущенное в дело,
Как труп, как в гроб опущенное тело.

Перевод А. С. Либермана

Скажи мне, красота, зачем ты расточаешь
Безумно на себя все, что ни получаешь?
Природа не дарит, а лишь займы дает,
И то лишь тем, кто долг свой честно отдает.
Зачем же ты, скупец, во зло употребляешь
Врученное тебе и праздно расточаешь?
Такие суммы, друг, не следует сорить,
Когда и без того едва ты можешь жить!
Имея дело лишь с одним самим собою,
Себя же выгод всех лишаешь ты в борьбе.
Когда ж твой бранный прах покроется землею,
То что благого ты оставишь по себе?
Бесплодной красота твоя сойдет в могилу,
Тогда как по себе ты б мог оставить силу.

Перевод Н. В. Гербеля

Прелестный мот небесных чар, не трать
Сам на себя дары благой природы!
Свободная, она ведь может взять
То, что дарует в долг детям свободы.
И так, зачем ты, красота скупая,
Не отдаешь с щедротой то, что щедро
Тебе дано, без пользы возвращая
Сокровище в сокровищное недро?
Имея дело только сам с собой,
У чар твоих крадешь ты обаянье,
И в день Суда, за гробовой доской
Какое ты предъявишь оправданье?
Бесплодная краса умрет с тобой,
Но, давши плод, останется живой.

Перевод М. И. Чайковского

СОНЕТ V

Those hours, that with gentle work did frame
The lovely gaze where every eye doth dwell,
Will play the tyrants to the very same
And that unfair which fairly doth excel;
For never-resting time leads summer on
To hideous winter, and confounds him there;
Sap check'd with frost, and lusty leaves quite gone,
Beauty o'ersnow'd and bareness every where:
Then, were not summer's distillation left,
A liquid prisoner pent in walls of glass,
Beauty's effect with beauty were bereft,
Nor it, nor no remembrance what it was:
But flowers distill'd, though they with winter meet,
Leese but their show; their substance still lives sweet.

Во всех шедеврах дней ушедших труд;
Ликует взор, мила их красота нам,
Но дни спешат и красоту крадут,
Своим твореньям сделавшись тираном.
Безостановочное Время шлет
Мертвящие морозы вслед за летом;

Тепло – в темнице, всюду снег и лед,
И стыннут соки в дереве раздетом.
Когда б не заключали мы цветы
Текучим пленником в стекло флакона,
О красках отошедшей красоты
Забыл бы мир в дремоте без урона.
Но жив в духах разлитый дух цветов,
И он сильнее зимних холодов.

Перевод А. С. Либермана

Те самые часы, чьей силой властной
Краса весны так дивно расцвела, —
Как злой тиран, разрушат вид прекрасный
И уничтожат все свои дела.
Не хочет время ждать! Отрада лета,
Глядишь, сменилась скучною зимой,
Замерзла жизнь, нет ни листа, ни цвета,
И спит краса под снежной пеленой.
Да, если б сок цветов мы в плен не брали,
Чтоб сохранить следы весны в стекле, —
С красой бы все дела ее пропали,
Была б она забыта на земле;
Сок извлечен, – и есть предел утрате:
Хоть нет цветов, – есть жизнь в их аромате.

Перевод Н. А. Холодковского

Те самые часы, что нам родят
Прелестный лик, чарующий все взгляды,
Как злой тиран в тиши готовят яд,
Чтоб смыть с лица блеск вешнего наряда.
Ведь время неустанно гонит лето
К убожеству уродливой зимы,
Где снегом все, как саваном, одето,
Где листья и цветы – добыча тьмы.
Когда в стенах хрустального фиала
Не жил бы вешний запах и зимой,
То сладость бы его не оживала,
И память бы о нем была немой.
Но, извлеченный из цветов, зимою
Хранит он хоть на вид – их суть собою.

Перевод М. И. Чайковского

СОНЕТ VI

Then let not winter's ragged hand deface
In thee thy summer, ere thou be distill'd:
Make sweet some vial; treasure thou some place
With beauty's treasure, ere it be self-kill'd.
That use is not forbidden usury,
Which happies those that pay the willing loan;
That's for thyself to breed another thee,
Or ten times happier, be it ten for one;
Ten times thyself were happier than thou art,
If ten of thine ten times refigur'd thee:
Then what could death do if thou shouldst depart,
Leaving thee living in posterity?
Be not self-will'd, for thou art much too fair
To be death's conquest and make worms thine heir.

Найди ж скорей прелестный тот сосуд,
Где сохранить ты смог бы краски лета.
В нем соки молодости не замрут,
И злой зиме не сжить тепло со света.
Все в рост пойдет, но ты не ростовщик:
Приносят людям радость эти траты.

Да! Десять к одному: процент велик,
Зато умножишь в десять раз себя ты.
И стал бы ты счастливей в десять раз
И даже лучше: десять раз по десять.
Ушла бы смерть. Потомство! Мой рассказ
И мой совет не можешь ты не взвесить.
Прекрасно все в тебе. Не будь упрямым:
Нельзя, чтоб весь достался ты червям.

Перевод А. С. Либермана

Спешу сберечь для нас цветник благоуханный,
Пока суровая зима не подошла;
Наполни сладостью сосуд, тобой избранный,
Пока в себе самой краса не умерла.
Ведь ты ростовщиком того не называешь,
Кому должник свой долг от сердца отдает:
Другого лишь себя ты миру оставляешь,
А за добавочных – добавочный почет,
И счастье личное ты в десять раз умножишь,
Коль, вместо одного, создашь десятерых:
От смерти понести какой ущерб ты можешь,
Продолжив бытие в наследниках своих?
Так не упрячься же: с твоею ли красотою
Червям лишь кормом стать под сенью гробовою!

Перевод В. С. Лихачева

Не дай зиме жестокой извести
Твой аромат весенний. Влей же счастье
В какой-нибудь фиал, дай нарасти
Сокровищу красы до дней ненастья.
И не считай такой прирост запретным:
Плательщику ты радость принесешь.
Сам для себя не умирай бездетным,
Не раз, а десять раз себя размножь.
Будь счастлив десять раз своей судьбою,
Вкушая счастье десяти детей.
Что, что похитит смерть тогда с тобою,
Когда ты жив в чертах семьи твоей?!
Кто так красив, не должен быть упрям.
Не завещай красы твоей червям.

Перевод М. И. Чайковского

СОНЕТ VII

Lo! in the orient when the gracious light
Lifts up his burning head, each under eye
Doth homage to his new-appearing sight,
Serving with looks his sacred majesty;
And having climb'd the steep-up heavenly hill,
Resembling strong youth in his middle age,
Yet mortal looks adore his beauty still,
Attending on his golden pilgrimage;
But when from highmost pitch, with weary car,
Like feeble age, he reeleth from the day,
The eyes, 'fore duteous, now converted are
From his low tract, and look another way:
So thou, thyself outgoing in thy noon,
Unlook'd on diest, unless thou get a son.

Взгляни! Когда благословенный глаз,
Слепя нас, поднимается с востока,
Коленопреклоненно каждый раз
Встречаем мы божественное око.
Все дальше по небесной крутизне;
Еще кипит в нем сила молодая,

И смертных взгляд прикован к вышине,
Смертельный путь в восторге наблюдая.
Но, позади оставив свой зенит,
С дневной тропы съезжает колесница.
Был этот путь недавно знаменит —
Жаль: в сумерки им глазу не плениться.
На полдне свет твой не сошелся клином,
Но должен заменить ты солнце сыном¹.

Перевод А. С. Либермана

Когда могучее светило нам с востока
Являет ясный лик, с восторгом на него
Взирает каждое в тот миг земное око,
Приветствуя лучей победных торжество;
Когда, как юноша в цвету, на холм небесный
Взбирается оно, все в золотом огне, —
Им ослепленные, мы клоним взор чудесный,
Подъем его следя по синей крутизне;
Когда же с высоты полудня ковыляет
Оно по-старчески на отдых и покой, —
Вниманья нашего оно не привлекает
И одиноко путь доканчивает свой.
Вот так же и тебя на склоне мир забудет,

¹ По-английски сын (son) и солнце (sun) – омофоны. – Здесь и далее примеч. пер.

Коль старости твоей лелеять сын не будет.

Перевод В. С. Лихачева

Когда поутру благодатный свет
Вздывает лик свой пламенный с востока,
Все взоры шлют восторженный привет
Величию всевидящего ока.
Достигнув до вершин пути, оно,
Подобно юности в поре расцвета,
Опять красой для смертного полно,
Все в золоте полуденного света.
Но чуть оно, как путник утомленный,
Начнет сходить к земле, к разлуке с днем,
То ум людской, бывало, восхищенный,
Теперь уже не думает о нем.
Так в старости умрешь ты, позабыт,
Коль облик твой твой сын не воскресит.

Перевод М. И. Чайковского

Сонет VIII

Music to hear, why hear'st thou music sadly?
Sweets with sweets war not, joy delights in joy.
Why lovest thou that which thou receiv'st not gladly,
Or else receivest with pleasure thine annoy?
If the true concord of well-tuned sounds,
By unions married, do offend thine ear,
They do but sweetly chide thee, who confounds
In singleness the parts that thou shouldst bear.
Mark how one string, sweet husband to another,
Strikes each in each by mutual ordering,
Resembling sire and child and happy mother,
Who all in one, one pleasing note do sing:
Whose speechless song being many, seeming one,
Sings this to thee: 'thou single wilt prove none.'

От музыки ты делаешься строже.
Свет ищет свет, мед тяготеет к меду;
Ты музыка сама. Так отчего же
Тебе аккордов сладость не в угодю?
Гармония, но слышать ты не рад,
Как стали в строй разрозненные ноты.

Возможно ли, что нежный звукоряд
В твоей душе мог заронить заботы?
Струна к струне – как в браке их союз:
Одна другой надежная опора;
Муж, дети, мать, и нет прочнее уз,
И нет на свете слаженнее хора.
Как слитен хор! Прислушайся, молю:
«Один без пары равен ты нулю».

Перевод А. С. Либермана

Твой голос – музыка: так почему же внемлешь
Ты музыке с тоской? Ведь нега к неге льнет;
А ты приятное нерадостно приемлешь
И не бежишь того, что скорбь тебе несет?
Аккорды стройные твой чуткий слух терзают,
Но их гармония – лишь ласковый упрек.
Они, звуча в одно, тебе напоминают,
Что вне гармонии земной ты одинок.
Ты слышал ли, как две струны в согласном строе
Свободно льющейся мелодией звучат?
Так и отец, и мать, и их дитя – все трое
Одну и ту же песнь в сердцах своих таят.
И говорят тебе немые звуки эти:
Кто одинок – того как будто нет на свете.

Перевод В. С. Лихачева

Звук музыки тебе печаль внушает.
Но почему? Цветок цветку ведь друг?
Зачем же любишь то, что огорчает,
И рад тому, что мучит, как недуг?
Когда согласие сладкопевных звуков
В созвучьи нежном тяготит тебя,
Оно ворчит, – как дед на милых внуков, —
Что ты живешь, лишь сам себя любя.
Заметь, что струнный звук всегда в другом
Находит отклик в стройном сочетаньи,
Как мать, отец, дитя – всегда в одном
Созвучьи шлют хваленье мирозданью.
Слив голоса, без слов, все за одно,
Они поют: «бездетный, ты ничто»!

Перевод М. И. Чайковского

СОНЕТ IX

Is it for fear to wet a widow's eye,
That thou consumest thyself in single life?
Ah! if thou issueless shalt hap to die,
The world will wail thee, like a makeless wife;
The world will be thy widow and still weep
That thou no form of thee hast left behind,
When every private widow well may keep
By children's eyes, her husband's shape in mind.
Look, what an unthrift in the world doth spend
Shifts but his place, for still the world enjoys it;
But beauty's waste hath in the world an end,
And kept unused, the user so destroys it.
No love toward others in that bosom sits
That on himself such murderous shame commits.

Из страха ль, что вдова слезу прольет,
Ты холостяцкой жизнью не смущен?
Но если в мире твой угаснет род,
Тебя оплачут, как безмужних жен.
Тогда вдовой и будет мир рыдать,
Что нет подобья твоего меж нас —

И сирых вдов коснулась благодать
Отца увидеть в блеске детских глаз!
Растратчик мир плодами мотовства
В других руках воспользуется шире,
Но красота недолгий срок жива:
Запри ее, и нет ей места в мире.
Знай себялюбец: красота для всех;
Скрывать ее – позор и смертный грех.

Перевод А. С. Либермана

Не страх ли, что вдову ты здесь в слезах покинешь,
Тебя принудил дать безбрачия обет?
Напрасно! Если ты от нас бездетным сгинешь,
Вдовою по тебе останется весь свет.
Он, как вдова, о том скорбеть и плакать станет,
Что отпечаток твой утрачен для него;
Вдова же, в детские глазенки только взглянет,
Вновь обретет черты супруга своего.
Не разорвет мир добытых благ растрата:
Сам промотаешься – других обогатишь;
Но изжитой красе нет на земле возврата:
Растратишь без толку – весь мир красоты лишишь.
Движениям любви то сердце непокорно,
Которое себя изводит так позорно.

Перевод В. С. Лихачева

Из страха вызвать слезы у вдовы
Себя ты истощаешь одиноко?
Но, без потомства умирая, ты
Вдовой оставишь мир земной, глубоко
Скорбящей, что унес ты, уходя,
Твой несравненный лик с собой в могилу.
Ведь плач у вдов при взгляде на дитя,
В котором жив опять покойник милый,
Сменяется улыбкою. Утрата,
Случившись здесь, там прибылью всплывет.
Но с красотой не так: ей нет возврата,
Когда она бесплодно отцветет.
В том нету места для любви к другим,
Кто беспощаден так с собой самим.

Перевод М. И. Чайковского

Сонет X

For shame! deny that thou bear'st love to any,
Who for thyself art so unprovident.
Grant, if thou wilt, thou art below'd of many,
But that thou none lovest is most evident;
For thou art so possess'd with murderous hate,
That 'gainst thyself thou stick'st not to conspire,
Seeking that beauteous roof to ruinate
Which to repair should be thy chief desire.
O! change thy thought, that I may change my mind:
Shall hate be fairer lodg'd than gentle love?
Be, as thy presence is, gracious and kind,
Or to thyself at least kind-hearted prove:
Make thee another self for love of me,
That beauty still may live in thine or thee.

Позор! Ответь мне: ты любви не враг ли?
Ты о себе не ведаешь заботы.
Не спорь: любим ты многими, не так ли?
Но ясно всем: не любишь никого ты.
Ответ смертельный, злой ответ я слышу;
Ты на себя готовишь покушение

И рушишь чудно сделанную крышу;
Чинить ее – твое предназначенье.
Не будь таким, избавь меня от казни;
Пусть расцветет твоя душа, как внешность.
Любовь не служит злу и неприязни.
О, прояви к себе хотя бы нежность!
Любя меня, на милость гнев смени:
Свой блеск в себе и детях сохрани.

Перевод А. С. Либермана

Сознайся – стыд и срам! – собою беззаботно
Пренебрегая, ты не любишь никого;
Другим себя любить позволишь ты охотно,
Но тщетно ждать любви от сердца твоего.
Питаешь к людям ты такое отвращенье,
Что даже восстаешь на самого себя
И сокрушить готов прекрасное строенье,
Которое хранить обязан ты любя.
Одумайся, чтоб мог и я сказать иное.
Краса лишь для любви должна служить жильем:
Где доброта в лице, там кстати ль сердце злое?
Хоть самому себе не будь лихим врагом!
Хоть для меня, прошу, создай еще такого,
В котором видеть бы я мог тебя второго!

Перевод В. С. Лихачева

Не говори, что любишь ты других,
Когда ты сам себя так злобно губишь:
Пусть ты любимец множества твоих
Друзей, но сам ты никого не любишь.
Ты так жесток к себе, так страшно лют,
Что на себя же руку поднимаешь
И хочешь в прах стереть приют
Сокровища, которым обладаешь.
О, изменись, чтоб изменил я мнение!
Не гневу жить роскошнее любви!
Будь, как твой вид, мил, полон снисхожденья
И сам к себе участие прояви:
Стань сам собой. И из любви ко мне
В потомстве дай вновь цвeсть своей весне.

Перевод М. И. Чайковского

Сонет XI

As fast as thou shalt wane, so fast thou growest,
In one of thine, from that which thou departest;
And that fresh blood which youngly thou bestowest,
Thou mayst call thine when thou from youth convertest.
Herein lives wisdom, beauty and increase;
Without this, folly, age, and cold decay:
If all were minded so, the times should cease
And threescore year would make the world away.
Let those whom Nature hath not made for store,
Harsh, featureless and rude, barrenly perish:
Look, whom she best endow'd she gave thee more;
Which bounteous gift thou shouldst in bounty cherish:
She carved thee for her seal, and meant thereby
Thou shouldst print more, not let that copy die.

В цвету сегодня, завтра увядая,
Смотри, как всходит брошенное семя,
И кровь твоя, когда-то молодая,
В твоих потомках побеждает Время.
В них красота, и мудрость, и расцвет;
Без них упадок, бредни, смрад дряхленья —

Всему конец за шесть десятков лет,
За жизнь единственного поколения.
Кто мертв в своей ущербности к желанью,
Пусть гибнет злой, безликий, без приплода;
Кто одарен, пусть сыплет щедрой дланью:
Вручив дары, отдачи ждет природа.
Ты, как печать, но помни: время кратко;
Не уходи от нас без отпечатка.

Перевод А. С. Либермана

Как вянуть будешь ты день ото дня, так будешь
День ото дня цвести ты в отпрыске своем;
Ту кровь, что в юности отдать себя принудишь,
Своею назовешь, сам ставши стариком.
Вот в чем и разум наш, и красота, и сила;
А вне – безумие, бессилье, вечный мрак:
Тогда и время бы свой ход остановило,
И род людской тогда невольно бы иссяк.
Кто на земле рожден не для продленья рода,
Уродлив, груб, суров, – тот гни без следа;
Но, видя, как щедра к избранникам природа,
Дары ее сберечь ты должен навсегда:
На то в тебе и знак ее печати явлен,
Чтоб миру в оттисках был подлинник оставлен.

Перевод В. С. Лихачева

Ты в меру увяданья будешь вновь
Расти в одном из детищ юных дней.
Зачатую в пору расцвета кровь
Ты будешь, старясь, называть своей.
В том мудрость, красота и размноженье:
Вне этого ж – безумие, распад.
И, если б все твое имели мненье, —
Конец всему лет через шестьдесят.
Пусть, созданный не для продленья рода,
Урод-калека без плода умрет!
Кому ж дала так много мать-природа,
Пусть щедрый дар в обилии вернет!
Ты создан был затем ее резцом,
Чтоб быть потомству вечным образцом.

Перевод М. И. Чайковского

Сонет XII

When I do count the clock that tells the time,
And see the brave day sunk in hideous night;
When I behold the violet past prime,
And sable curls, all silvered o'er with white;
When lofty trees I see barren of leaves,
Which erst from heat did canopy the herd,
And summer's green all girded up in sheaves,
Borne on the bier with white and bristly beard,
Then of thy beauty do I question make,
That thou among the wastes of time must go,
Since sweets and beauties do themselves forsake
And die as fast as they see others grow;
And nothing 'gainst Time's scythe can make defence
Save breed, to brave him when he takes thee hence.

Я вижу: стрелки отмеряют сутки —
Где день пылал, царит полночный страх;
Я вижу ссохшиеся незабудки
И серебро на темных волосах.
Могучие стволы стоят без листьев;
Опал шатер, не ищет зверь тропы,

От жнивья осенью поля очистив,
Везут на дрогах мертвые снопы.
Так красоте твоей чего же ждать?
Вокруг повсюду смерть и разоренье;
Прекрасное спешит себя предать:
Готовит гибель буйное цветенье.
Пускай дитя придет тебе вослед:
От Времени другой защиты нет.

Перевод А. С. Либермана

Когда мой слух часы бегущие считает,
А глаз следит, как ночь день в сумрак превращает:
Когда я вижу, как фиалка никнет в прах,
И злая седина является в кудрях;
Когда на лес нагой гляжу я из оконца,
Дававший в летний зной убежище от солнца,
И вижу, как траву, красу родных лугов,
Увозят, чтоб сухой сложить ее под кров —
Тогда о красоте твоей я помышляю,
Что Время и ее погубит, так как знаю,
Что блеск и красота склоняются во прах,
Чтоб место дать другим, стоящим на глазах.
От Времени ж косы, таящей вероломство,
Способно охранять тебя одно потомство.

Перевод Н. В. Гербеля

Звучит ли бой часов и время гонит,
Иль вянет лепесток за лепестком,
Гляжу ль, как бодрый день во мраке тонет,
Как черный локон смешан с серебром, —
Когда я вижу рощу оголенной, —
Бывало, в зной, убежище для стад —
Как зелень лета старец убеленный,
Скосив стогами, полагает в ряд, —
Тогда меня всегда вопрос терзает:
Неужли чудный облик твой умрет,
Как красота здесь так же скоро тает,
Как перед нею новая растет?
Косы времен не одолеешь ты,
Не передав потомству красоты.

Перевод М. И. Чайковского

Сонет XIII

O, that you were yourself! but, love you are
No longer yours than you yourself here live:
Against this coming end you should prepare,
And your sweet semblance to some other give.
So should that beauty which you hold in lease
Find no determination; then you were
Yourself again after yourself's decease,
When your sweet issue your sweet form should bear.
Who lets so fair a house fall to decay,
Which husbandry in honour might uphold,
Against the stormy gusts of winter's day
And barren rage of death's eternal cold?
O, none but unthrifths! Dear my love, you know
You had a father: let your son say so.

О если бы не ждал тебя распад!
Но смерть придет, на красоту нацелясь,
И, с ней уйдя, ты будешь виноват,
Не передав другим такую прелесть.
Ведь красоту ты получил взаймы;
Но способ есть предотвратить несчастье:

Красавец сын! Лишь в нем увидим мы
Твой блеск, а не распавшиеся части.
Кто ж мирно смотрит, как ветшает кров,
Пока он крепостью надежной служит
От зимних бурь, от яростных ветров,
От вечного бесплодья зимней стужи?
Лишь скряга! Милый мой, не будь скупцом:
Пора из сына сделаться отцом.

Перевод А. С. Либермана

О, если б ты собой остался! Но, бесценный,
Не больше, чем живешь, ты можешь быть собой;
Спеши, пока душа еще в одежде брэнной,
Другому передать прекрасный облик свой.
На срок лишь получил ты ссуду красотою;
В бесрочную б тогда ты обратил ее
И после смерти бы своей вновь стал собою:
Твой сын бы сохранил подобие твое.
Кто опрометчиво допустит до крушенья
Свой дом, имея в нем надежнейший оплот,
От леденящего безвременно вторженья
Губительной зимы? Кто ж больше, как не мот!
Был у тебя отец; мой милый, отчего же
И сыну твоему не говорить того же?

Перевод В. С. Лихачева

О, если б мог ты быть всегда собой!
Но помни, милый, что ты здесь не вечен,
Что есть конец – чтоб жив был образ твой,
Ты должен быть потомством обеспечен.
Тогда лишь лик твой не утратит силы
Неистребимых чар. И станешь ты
Опять собою даже за могилой,
Когда твой сын возьмет твои черты.
Кто допустил бы дом до разрушенья,
Когда бы мог его спасти уход
От зимней стужи, от уничтоженья
Под натиском рассвирепевших вод?
Лишь мот! – О друг, ему не подражай!
Ведь ты имел отца, отца и сыну дай.

Перевод М. И. Чайковского

СОНЕТ XIV

Not from the stars do I my judgement pluck;
And yet methinks I have astronomy,
But not to tell of good or evil luck,
Of plagues, of dearths, or seasons' quality;
Nor can I fortune to brief minutes tell,
Pointing to each his thunder, rain and wind,
Or say with princes if it shall go well
By oft predict that I in heaven find:
But from thine eyes my knowledge I derive,
And constant stars in them I read such art
As 'Truth and beauty shall together thrive,
If from thyself, to store thou wouldst convert';
Or else of thee this I prognosticate:
'Thy end is truth's and beauty's doom and date.'

Нет звездочета в мире бесполезней,
И не могу я предсказать приход
Потопа, града, засух и болезней
И угадать, кому не повезет.
Не мне судьбу расчислить по минутам
(Сегодня шторм, а завтра дождь и гром);

Не ворожу ни праведным, ни плутам,
Хотя и я немного астроном.
Твои глаза – небесное пространство:
Лишь в них и к знанию, и к звездам мост;
Лишь в них и красота, и постоянство,
Но сделайся отцом таких же звезд!
Когда обрушиваются мосты,
Ни постоянства нет, ни красоты.

Перевод А. С. Либермана

Я не из звезд свои познания почерпаю,
Хотя науку звезд я несколько и знаю,
Но только не затем, чтоб голод предвещать
Иль приближенья бурь по ним предузнавать;
И о висящих злом над кем-нибудь невзгодах
Не в состоянье я его предупредить,
И что б ни ждало нас в бегущих встречу годах,
Я не могу того властителям открыть.
Все знание мое в глазах твоих, с тобою —
И в этих лишь звездах сумел я прочитать,
Что будут красота и правда процветать,
Когда оставишь ты потомство за собою.
Иначе предскажу тебе я, милый мой,
Что в гроб с тобой сойдут и правда с красотой.

Перевод Н. В. Гербеля

Я не у звезд сужденья похищаю,
Но мнится мне, я все же звездочет,
Хотя пророчески не возвещаю
Ни счастья, ни бедствия приход.
Я не умею даже предсказать
Дождя, грозы, чумы, засухи или
Того, как принцы будут поживать... —
О чем бы небеса ни говорили.
Но мне глаза твои, как звезды, знанье
Внушают, что во все века пройдут
Краса и правда в дивном сочетаньи,
Когда в твоём потомстве оживут.
Иначе так предсказываю я:
С тобой умрет и красота твоя.

Перевод М. И. Чайковского

СОНЕТ XV

When I consider every thing that grows
Holds in perfection but a little moment,
That this huge stage presenteth nought but shows
Whereon the stars in secret influence comment;
When I perceive that men as plants increase,
Cheered and check'd even by the self-same sky,
Vaunt in their youthful sap, at height decrease,
And wear their brave state out of memory;
Then the conceit of this inconstant stay
Sets you most rich in youth before my sight,
Where wasteful Time debateth with Decay
To change your day of youth to sullied night;
And all in war with Time for love of you,
As he takes from you, I engraft you new.

Я наблюдаю, как приходит смена:
Вчера расцвет, сегодня мертвый стебель;
Огромный мир не более, чем сцена,
А звезды тайно шепчут что-то в небе.
Я замечаю: люди, как трава;
Над ними равнодушные светила;

Все, что живет, пройдя зенит едва,
Забыто так, что будто и не жило.
Твой пик настал. Вокруг тебя восторг,
Но преходяще в мире все земное,
И Время начало со смертью торг,
Как яркий день окутать тьмой ночною.
Но Времени я дал открытый бой:
Цветя в стихах, ты будешь сам собой.

Перевод А. С. Либермана

Когда я вижу, что все дышащее вкруг
Бывает лишь на миг прекрасно, милый друг,
Что только зрелищ ряд дает нам сцена мира,
Понятный лишь для звезд полночного эфира;
Когда я вижу, что под грозной твердью той,
Как злаки, люди вкруг рождаются и плодятся,
Сначала к небесам, потом к земле стремятся
И исчезают вслед из памяти людской:
Тогда, в виду всех зол и суетности брэнной,
Краса твоя сильнее мне взоры поразит
И Времени – скупцу, грабителю вселенной —
Не дать бы лишь твой день в мрак ночи
превратить —
Я объявлю войну, подвигнутый тобою,
И отнятое вновь отдам тебе с лихвою.

Перевод Н. В. Гербеля

Когда гляжу, как все кругом растет,
Но только на мгновенье совершенно, —
Как плотский мир лишь призрачно живет,
Влиянью звезд покорный сокровенно, —
Когда я вижу, что людей, как травы,
Растит, хранит и косит тот же рок,
Даруя им отраду и отраву,
Сливая жизнь и смерть в один поток, —
В раздумии тогда перед виденьем
Твоей роскошной красоты стою,
И страшно мне, что время вместе с тленьем
Сведут в мрак ночи молодость твою.
И я хочу свою подставить грудь
И все тебе, что отнято, вернуть.

Перевод М. И. Чайковского

СОНЕТ XVI

But wherefore do not you a mightier way
Make war upon this bloody tyrant, Time?
And fortify your self in your decay
With means more blessed than my barren rhyme?
Now stand you on the top of happy hours,
And many maiden gardens yet unset
With virtuous wish would bear you living flowers,
Much liker than your painted counterfeit:
So should the lines of life that life repair,
Which this Time's pencil, or my pupil pen,
Neither in inward worth nor outward fair,
Can make you live your self in eyes of men.
To give away yourself keeps yourself still,
And you must live, drawn by your own sweet skill.

Смерть жаждет крови. Но, сражаясь с нею,
Есть у тебя, смотрю, одна забота —
Построить укрепление не мощнее,
Чем холостые строки рифмоплета.
Ты на вершине, и любим ты всеми.
Дай зацвести садам твоим же цветом,

Спешу, брошу в девственную землю семя,
Порадуй нас цветком, а не портретом.
Твои черты кто очертит на свете?
Мое перо и карандаш природы
Стоят напрасно. Помни: только дети
Твой блеск, твой облик пронесут сквозь годы.
И, лишь раздав себя, ты будешь жив,
Своим пером потомство очертив.

Перевод А. С. Либермана

Зачем не сбросишь ты губительное бремя,
Которым так гнетет тебя седое Время?
Зачем не вышлешь, друг, в отпор на грозный зов,
Ты нечто посильней, чем пук моих стихов?
Теперь уж ты достиг поры своей счастливой,
И много пышных клумб среди девственных садов
Украстить мог бы ты кошницею цветов,
Похожих на тебя, как твой портрет красивый.
Да, жизнь должна сама себя изображать,
Так как перо и кисть не могут приказать
Жить вечно на стене пред публикою грешной
Твой образ с стороны ни внутренней, ни внешней.
Ты сохранишь себя, отдавшись любя, —
И долго будешь жить, изобразив себя.

Перевод Н. В. Гербеля

Но почему не избираешь ты,
Воюя с временем, пути вернее?
И не берешь в защиту красоты
Оружия, моих стихов мощнее?
Теперь достиг ты счастья вершин.
На свете много девственных целин
Готово возродить твой пышный цвет
Куда живее, чем в стихах поэт.
Так жизнь сама вернет твой облик вешний:
Ни летопись, ни пыл любви моей
Его не в силах внутренне и внешне
Заставить вечно жить в очах людей.
Сам от себя себя же отделив,
Собой рожден, – ты будешь вечно жив.

Перевод М. И. Чайковского

Сонет XVII

Who will believe my verse in time to come,
If it were fill'd with your most high deserts?
Though yet, heaven knows, it is but as a tomb
Which hides your life and shows not half your parts.
If I could write the beauty of your eyes
And in fresh numbers number all your graces,
The age to come would say 'This poet lies;
Such heavenly touches ne'er touch'd earthly faces.'
So should my papers, yellow'd with their age,
Be scorn'd, like old men of less truth than tongue,
And your true rights be term'd a poet's rage
And stretched metre of an antique song:
But were some child of yours alive that time,
You should live twice; in it, and in my rhyme.

Я сам себе поверить бы не смог!
Похвал твоим достоинствам лавина,
А это ведь гробница, видит Бог:
В ней ты, но черт твоих лишь половина.
Когда бы был для глаз в стихах размер
И было б мерить мне тебя под силу,

Сказали б люди: «Нет, он лицемер:
И небо черт таких не очертило».
Боюсь я: пожелтевший этот лист
Лежалой ложью люди назовут;
Поэт был, скажут, больно голосист,
Да выдумки его – напрасный труд.
Не вечен ты, но если б были дети,
То в них бы жил ты и в моем сонете.

Перевод А. С. Либермана

Моим поэмам кто б поверить мог,
Коль Ваших качеств дал я в них картину?
Они – гроб Вашей жизни, знает Бог,
Их могут передать лишь вполовину.
И опиши я Ваших взоров свет
И перечисли все, что в Вас прелестно,
Грядущий век решил бы: «Лжет поэт,
То лик не человека, а небесный».
Он осмеед бы ветхие листы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.